

Къ новому столѣтію.

Вступаемъ въ новое столѣтіе нашей академической ученой и учебной жизни; вступаемъ въ трудъ цѣлыхъ поколѣній и не только въ трудъ, но и въ славу ихъ. На насъ теперь по-преимуществу сбывается какъ бы слово Христово: «ини трудишася, а Вы въ трудъ ихъ внидосте». Да, былъ трудъ многихъ поколѣній, есть и слава многихъ трудившихся въ нашей школѣ; надѣмся и трудъ этотъ, и слава именъ трудившихся всѣмъ извѣстны хорошо; объ этомъ говорить уже исторія нашей школы, надѣмся и еще будетъ говорить объ этомъ какой-нибудь ученый историкъ нашей школы ¹⁾. Намъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ готовящійся къ выпуску академической сборникъ, посвященный памяти почившихъ наставниковъ Академіи. Большой интересъ также представляетъ вышедшій недавно сборникъ «У Троицы—въ Академіи», какъ собраніе матеріала для оцѣнки академическихъ дѣятелей истекшаго столѣтія. Намъ бросились въ глаза невольно двѣ вещи при просмотрѣ этого послѣдняго сборника: а) основная мысль этого сборника, выраженная вначалѣ его, что Академія собственно какъ бы перестала существовать, по крайней мѣрѣ, 40 лѣтъ тому назадъ; она вся въ прошломъ, все великое и цѣнное, все самое симпатичное въ научномъ и житейскомъ смыслѣ кончилось съ именами Горскаго, Смирнова и пр., а послѣдующее и особенно будущее, какъ бы безнадежно; и б) странная, проникнутая какимъ-то личнымъ нехорошимъ чувствомъ статья проф. Н. Глубоковского: «за тридцать лѣтъ». Почетный членъ Московской Академіи, недавно принявшій съ глубокой благодарностью это званіе отъ «испорченной Академіи», не придумать ничего лучшаго, какъ плюнуть къ столѣтнему юбилею въ лицо живыхъ еще и умершихъ дѣятелей Академіи, и кажется только потому, что при одномъ изъ нихъ былъ уволенъ изъ Академіи (а за что, намъ хорошо извѣстно), а другіе не любезны его сердцу, никакъ не вищающему монашескаго духа. Впрочемъ, высмѣиваніе монаховъ, дѣятелей въ духовно учебныхъ

Максими́й Митрополита́ Московскій
и Коломенскій

же, входящимъ теперь въ столѣтній трудъ и славу нашей школы, нужно и самимъ приложить трудъ и умножить оставленный намъ капиталъ и; если Богъ дастъ, умножить или уже во всякомъ случаѣ не затемнить славу тѣхъ, кои украсили своими славными дѣянiями чело своей и нашей общей духовной матери.

Въ такихъ учрежденiяхъ, какою является всякая школа, слава и величiе ихъ въ коллективномъ трудѣ, въ собирательной работѣ и насколько въ этой работѣ руководятся начальными, положенными въ основанiе самой школы, въ задачу ея жизни, настолько самая смѣна поколѣний трудящихся въ школѣ только умножаетъ ея богатство, созидаетъ ея духъ, не нарушая общей печати жизни; постольку, далѣе, должна производиться и оцѣнка дѣятельности поколѣний и отдѣльныхъ лицъ въ ихъ созидательной или разрушительной работѣ. Позволимъ себѣ сравнить всякую школу, не нашу только академiю, какъ - бы съ неугасаемой лампадой, въ которую періодически вливаютъ елей для поддержанiя горѣнiя и которая сама обычно бываетъ источникомъ свѣта, возжигающимъ новые свѣтильники. Такъ, именно, въ школѣ свѣтится или долженъ свѣтиться неугасаемо свѣтъ, опредѣлившiйся въ своей качественности и тонѣ въ самомъ началѣ ея бытiя, а потомъ поддерживаемый влiянiемъ новой энергiи новыми поколѣнiями людей, входящихъ въ школу и въ свою очередь возжигающихъ иные меньшiе свѣтильники по тому - же роду въ лицѣ уходящихъ поколѣний. Отъ характера дѣятельности самихъ уже входящихъ поколѣний зависитъ, добрый - ли елей они вливаютъ въ лампаду или настолько нечистый, что лампада начинаетъ меркнуть и пускаетъ копоть. Вотъ почему теперь намъ, входящимъ въ трудъ столѣтнихъ поколѣний нашей школы, обязанныхъ влить въ эту лампаду духовнаго свѣта энергiю отъ себя, вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ поклоненiемъ памяти усопшихъ

заведенiяхъ, занятiе давнишее почтеннаго профессора. Намъ думается, что хотя ради такого случая, какъ столѣтнiй юбилей, можно было удержаться отъ выраженiя собственныхъ недобрыхъ чувствъ по отношенiю къ тѣмъ или инымъ лицамъ; думается, что ради такого случая не грѣхъ, если не прикрыть присущую всякому лицу и учрежденiю своего рода наготу, то умолчать о ней, хотя - бы образъ библейскаго любителя наготы отчей и казался соблазнительнымъ.

тружениковъ, вмѣстѣ съ любовнымъ вниманіемъ къ труду настоящихъ, необходимо постараться внести свой чистый елей юношескаго идеализма, свѣжія силы духа и святое одушевленіе, чтобы и въ новомъ столѣтіи наша школа, какъ свѣтлая лампада, не угасала, а горѣла все ярче и ярче, умножая величіе и славу прошлаго. Глубокій духовный смыслъ труда нашей духовной школы и ея вѣчныя задачи понятны и ясны достаточно: они, эти задачи и смыслъ труда, тѣ-же и теперь, что и сто лѣтъ назадъ при самомъ возникновеніи школы. То было время общаго обновленія жизни; оно повѣяло новыми запросами и отъ духовнаго образованія. То, что хотѣлось имѣть отъ преобразованныхъ духовныхъ школъ, хорошо выражено въ указѣ Государя Императора Александра 1-го, отъ 30 августа 1814 г., въ которомъ имъ самимъ изъяснены Высочайшія намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества и въ которомъ сдѣлано указаніе на открытіе Московскаго Учебнаго Округа. Вотъ, что говорится въ этомъ указѣ: «утвердивъ все, что комиссія духовныхъ училищъ мнѣ представила докладомъ своимъ 27-го числа, сего мѣсяца, я нужнымъ считаю изъяснить мои намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества. Первый учебный курсъ Александро-Невской Академіи конченъ, образовавшій учителей для второго курса С.-Петербургскаго округа и открытія вновь Московскаго; но я желаю, чтобы комиссія обратила свое вниманіе, какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ *училищами истины*. Просвѣщеніе, по своему значенію, есть распространеніе свѣта и, конечно, должно быть того (т.-е. свѣта), который *«во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не обхятъ»*. Сего-то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихъ къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами, коими Евангеліе очень просто, не премудро учить; тамъ сказано, что Христосъ есть *путь, истина и животъ, слѣдовательно, внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ*. На семь основаніи можно будетъ созидать то ученіе, кое нужно имъ по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума, который будетъ подчиненъ освященію Вышнему. Я удостовѣренъ, что комиссія духовныхъ училищъ, призвавъ Спасителя въ помощь, употребитъ все свои уси-

лія къ достиженію цѣли, безъ которой истинной пользы ожидать нельзя». Вотъ, что хотѣлось имѣть отъ преобразованныхъ духовныхъ училищъ; хотѣлось, чтобы чрезъ нихъ и въ нихъ познавалась истина Христова и они служили этой истинѣ. Поистинѣ, высокая задача служить Христовой истинѣ! Кто не старался служить ей, кто не лобызаль эту истину, кто не страдалъ за нее!?. Ее благовѣстили Апостолы, ее свидѣтельствовали своею кровію мученики, ее выстрадали святые духоносные отцы Церкви, ее воплощали въ жизни подвижники, ее наслѣдуемъ и мы и ей мы призываемся служить. Конечно, намъ быть - можетъ не нужно будетъ проливать за нее кровь, нести гоненія и скорби, но все-же она и отъ насъ требуетъ жертвъ, хотя и въ другомъ родѣ. Что такое Христова Истина? Она есть прежде всего Самъ Христосъ, *единая истина, путь и животъ*. Для насъ эта истина есть, далѣе, Слово Божіе, а Слово Божіе по глаголу Самого Слова Воплощеннаго *«естъ духъ и животъ»*. Итакъ, кажется, что Христова Истина заключаетъ въ себѣ требованіе какого-то особаго отношенія къ ней и служенія ей особымъ какимъ-то путемъ. Вѣдь и Апостолъ Павелъ говоритъ, что «духовное востязуется духовно» и душевный человекъ не можетъ принимать и понимать духовнаго. Итакъ, кажется, что служеніе Христовой Истинѣ требуетъ отъ насъ духовности, какого-то духовнаго, благодатнаго (отъ Святого Духа) настроенія, какого-то особаго духовнаго воспріятія и духовнаго вѣдѣнія. Этотъ методъ духовнаго вѣдѣнія христіанину долженъ быть хорошо извѣстенъ: онъ кратко, но ясно выраженъ въ словахъ Спасителя: «блаженіи чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрять». Вотъ почему оскуденіе духа благодати, оскуденіе духовности жизни, ея святости и нравственнаго опыта, какъ метода для познанія Христовой Истины, сочетающей въ себѣ одновременно и неразрывно начала онтологіи и гносеологіи, всегда сопровождалось упадкомъ духовнаго творчества, упадкомъ истиннаго богословія. И наоборотъ, расцвѣтъ духовной жизни, свѣтъ духовной праведности и святости, всегда выражался въ глубинѣ богословствованія и церковнаго творчества, какъ это и видимъ въ исторіи церкви первыхъ вѣковъ и въ твореніяхъ богумудрыхъ отцовъ и святыхъ подвижниковъ. Всѣмъ извѣстны болѣе или менѣе въ исторіи богословствованія и богослов-

ской науки разныя періоды и разныя состоянія богословской науки. Извѣстно, конечно, всякому питомцу духовной школы и то, что называется схоластикой въ богословіи. Совсѣмъ не нужно искать этому явленію или направленію въ богословіи объясненія въ чемъ-либо особенно мудреномъ, объясненіе этому простое: это—оскуденіе духа благодатной жизни, а отсюда и воспріятіе христіанской истины по типу истинъ человѣческихъ только разсудкомъ и раскрытіе этихъ истинъ не на почвѣ опыта духовно-нравственной жизни, а только на почвѣ законовъ логики, выработанными для обычныхъ теоретическихъ положеній и научныхъ истинъ приемами разсудочнаго мышленія. И мы знаемъ, какъ замерла вся богословская мысль, какъ прекратилось духовное, истинно-богословское творчество, знаемъ, какъ животворящія истины христіанскаго вѣроученія обратились въ безжизненные формулы, какъ святія начала христіанской нравственности обратились въ сухія правила жизни, какъ духовная христіанская благодатная жизнь превратилась въ схему и скелетъ прописной морали, и даже самая сущность христіанства: дѣло спасенія во Христѣ—въ пониманіи его принижилось и исказилось введеніемъ сюда совершенно чуждыхъ ему юридическихъ началъ человѣческой жизни и грѣховной человѣческой психологіи. Да и что могъ дать на самомъ дѣлѣ духовной истинѣ и сдѣлать для этой истины голый человѣческій разсудокъ, кромѣ своихъ мертвыхъ схемъ?! Онъ сталъ господствовать на томъ гробѣ, въ которомъ погребена была духовная жизнь, въ которомъ заключился источникъ живой воды, который кругомъ обросъ терніями и волчцами страстей и суетныхъ человѣческихъ помышленій и, конечно, добраго родить ничего не могъ кромѣ искаженія и опошленія высокой святой истины. Кажется и заслуга нашей школы за первое ея столѣтіе жизни и труда можетъ опредѣлиться первѣе всего, какъ разрывъ цѣпей схоластики, вязавшей творчество богословской мысли; новая школа, какою явилась и наша духовная Академія, боролась съ господствомъ схоластики въ богословской наукѣ и, думается, не ошибемся, если скажемъ, что боролась успѣшно. По крайней мѣрѣ то, что мы называемъ историческимъ методомъ въ наукѣ или вѣрнѣе историко-критическимъ, это есть преимущественное направленіе въ научной работѣ нашей Академіи.

Пусть опять ученый историкъ Академіи рококроетъ это обстоятельство, а мы укажемъ здѣсь только имена всѣмъ извѣстныхъ работниковъ въ этомъ направленіи: Филарета, Горскаго, Голубинскаго и пр. Нашъ святой сыновній долгъ воздать дань почтенія и благодарности этимъ и другимъ труженикамъ нашей родной школы, искавшихъ проявленія и приложенія въ наукѣ живыхъ творческихъ силъ человѣческаго разума вмѣсто мертвой логомахи. Нужно однако помнить, что та самая живая сила, которая лежитъ въ основѣ этого новаго метода научной работы, разумѣемъ разсудокъ въ его критической самодѣятельности, вовсе не выражаетъ въ приложеніи къ христіанской истинѣ всей полноты средствъ къ ея воспріятію и уясненію; наоборотъ, по слову Св. Апостола Павла, онъ - то, т.-е. человѣческій разумъ, и есть по преимуществу разумъ, *«возносящійся на разумъ Христовъ»*. Вотъ почему и критико-историческій методъ, имѣющій въ себѣ зачатки раціонализма (понятно почему) у худшихъ представителей его, особенно при оскуденіи живой вѣры и духовности, всегда способенъ вырождаться въ голый раціонализмъ. Здѣсь опять та же самая причина, что и въ схоластикѣ: оскуденіе духовной жизни и нравственнаго опыта жизни, почему и духовное творчество замѣняется суррогатомъ его, т.-е. творчествомъ голаго разсудка по принципу только сомнѣнія. Разсудокъ ставится на мѣсто вѣры, а сомнѣніе дѣлается методомъ вмѣсто духовнаго опыта и богословская мысль попадаетъ въ узы раціонализма и отрицанія, горшія узъ схоластики, горшія потому, что въ схоластикѣ хранилась все же, хотя и не живая, вѣра, а здѣсь зачинается и родится живое невѣріе. Такъ это случилось съ протестантствомъ; это же угрожаетъ и намъ.

Современная научная и популярная протестантская богословская мысль, давно уже отрѣшившаяся отъ почвы и духа святоотеческой письменности, изучающая и Слово Божіе не столько само по себѣ, сколько одинъ (выразимся такъ) переплетъ Библии, во всемъ сомнѣвающаяся, запуталась въ узахъ раціонализма, оказалась въ своего рода Вавилонскомъ плѣненіи и Богъ знаетъ, когда она выберется изъ этого плѣненія. Конечно, нельзя отрицать пользы въ известной степени того рода научной работы, которую дѣлаетъ Западъ, но сводить на нее всю богословскую науку и самое богословіе

отожествлять съ продуктами протестанской мысли, это, по меньшей мѣрѣ, было бы странно. Еще вопросъ: есть ли на Западѣ теперь богословіе въ собственномъ смыслѣ этого слова и можно ли, употребивъ все время обученія, напри- мѣръ хотя въ Академіи, на изученіе теченій западной науч- ной богословской мысли, стать дѣйствительно богословами.

Слѣдуетъ почаще вспоминать слова Григорія Богослова о томъ, что нужно для того, чтобы стать богословомъ. Когда научная работа сводится только къ критикѣ текста Писанія, къ изслѣдованію виѣшней стороны памятниковъ, къ разбору и сочиненію разныхъ теорій, какъ это и дѣлается на Западѣ, выработка цѣльнаго православнаго богословскаго міровоззрѣнія парализуется, духъ жизни, дышащій со стра- ниць Откровенія и твореній св. Отцовъ и вводящій душу въ свѣтлую атмосферу истиннаго богословія, минуетъ въ этомъ случаѣ изучающаго, и онъ питается только суррогатомъ бо- гословія.

Несомнѣнно, благодаря тому, что протестантами забыты ду- ховныя сокровища богословствованія свв. отцовъ, и замѣ- чается тамъ теперь такой упадокъ истинной живой богослов- ской мысли. Куда можетъ зайти по этой дорогѣ богословская мысль—угадать не трудно. Когда утерянъ критерій истины, и нѣтъ уже руководства святоотеческаго, блужданіе возможно и широкое, и свободное. Неудивительно, что теперь, подъ влияніемъ и въ угоду современному настроенію, насилуется даже святоотеческая мысль для оправданія, напр., идей соціа- лизма. Неудивительно, что личное мнѣніе и личное чисто патологическое религіозное настроеніе возводится въ источ- никъ для богословскихъ концепцій, и болѣзненный мисти- цизмъ преподносится любителю богословія, какъ послѣднее слово научнаго богословія въ видѣ научныхъ изслѣдованій.

Въ будущемъ, конечно, можно опасаться и еще худшаго, если богословская мысль и работа не возвратятся къ тѣмъ забытымъ сокровищамъ духа, которыя способны, какъ бы жи- вой водой, окроплять сухой скелетъ богословской науки и ввести въ него дыханіе жизни. Это, воистину, будетъ осво- божденіемъ изъ тяжкаго плѣна и вступленіемъ на новый и въ то же время на старый путь богословствованія. Со всей рѣшительностью и полной опредѣленностью въ противовѣсъ западному—раціонализму нужно теперь говорить о необхо-

димости для нашей школы и богословія пути вѣры, нравственнаго развитія и введенія въ свою личную жизнь духа христіанской жизни для того, чтобы уразумѣть тайны духовной мудрости и богословствовать. Этотъ личный опытъ долженъ покоиться на опытѣ святоотеческомъ, и приобщеніе себя къ этому сонму духоносныхъ отцовъ, хотя бы мыслію и настроеніемъ, есть главное условіе для богословствованія.

Намъ думается, что дѣйствительно едва ли возможно богословствовать тому, кто не воспринимаетъ христіанства въ себѣ какъ новую жизнь и не чувствуетъ силы его прежде всего въ явленіяхъ и строѣ своей внутренней личной жизни.

Внѣшнее изученіе христіанства, какъ нѣкоей только любопытной и оригинальной теоріи, или философемы, или какъ своеобразнаго историческаго явленія, такъ это и есть на Западѣ никогда не дасть тѣхъ результатовъ, что первый путь. Вотъ почему всѣмъ, именующимъ себя богословами, по крайней мѣрѣ необходимо восполнять недостатокъ личнаго нравственнаго опыта опытомъ тѣхъ, кои воплотили христіанскую жизнь въ своей личной и богословствовали на этой почвѣ живого непосредственнаго опыта богоподобной жизни, а не на почвѣ логическаго соотношенія понятій и построенія научныхъ формулъ. Вотъ почему хочется теперь на порогѣ новаго столѣтія академической жизни пожелать вступающимъ въ него вмѣстѣ съ унаслѣдованіемъ духовнаго богатства нашихъ предшественниковъ и великой задачи нашей школы—служить Христовой истинѣ—начать рѣшительную борьбу противъ гнета рационализма съ Запада, какъ прежде наша школа боролась противъ узъ схоластики, тоже пришедшей съ Запада. Итакъ, расторгнемъ узы его (рационализма) и отвергнемъ господство его въ той области, гдѣ ему не подобаешь быть. Господство его есть господство смерти духа, есть пустота и оскуденіе живой вѣры и благодати Духа Святаго. Показатель этого на-лицо: духовное состояніе Германіи съ господствомъ въ ней протестанскаго рационализма, доведшаго культурный народъ до духовнаго одичанія, до полнаго попрапія не только добрыхъ христіанскихъ началъ жизни, но даже обычныхъ общечеловѣческихъ, такъ называемыхъ, гуманныхъ началъ. Нужно принести разумокъ въ жертву вѣрѣ, скепсисъ и отрицаніе въ жертву духовному опыту своему и церковному изъ боязни,

чтобы и на насъ не случилось того, отъ чего предостерегалъ Апостоль Коринѣянь, т.-е., чтобы «разумы наши не истлѣли отъ простоты, яже о Христѣ», какъ это случилось при обольщеніи Евы змѣемъ (2 Кор. II, 3). Нужно твердо усвоить совѣтъ Св. Апостола: «аще кто хочетъ мудръ быти въ вѣцѣхъ семъ, буй да бываетъ, да премудръ будетъ» (1 Кор. III, 18); нужно внять голосу и послѣдовать приглашенію: «взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша».

Е. Ѳ.
